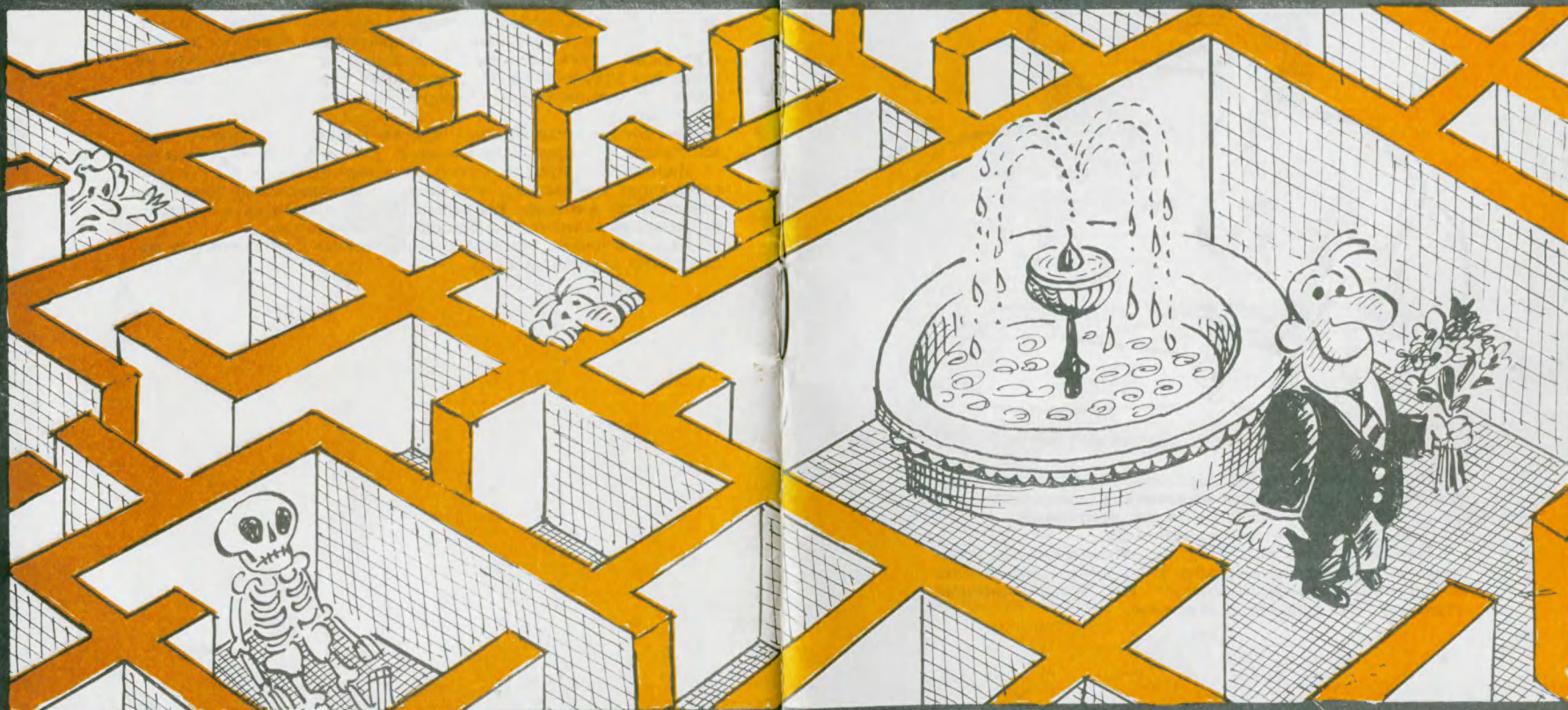

№ 17

Светлана ВОЗЛИНСКАЯ
В ЦЕНТРЕ ГУМа,
У ФОНТАНА...

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1989. № 17. 1—48

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Мое творческое кредо выражено в сатирическом обозрении «Над чем смеются женщины?», с которым я как автор-исполнитель выступаю перед зрителями.

Так над чем смеются женщины?..

Над своими же недостатками, неудачами, над мужчинами, над зигзагами судьбы. Ну, а юмор — это ремень безопасности, который спасает нас при аварийном столкновении с действительностью.

Срвозми

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 17
(1077)

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

**Светлана
ВОЗЛИНСКАЯ**

**В ЦЕНТРЕ ГУМа,
У ФОНТАНА...**

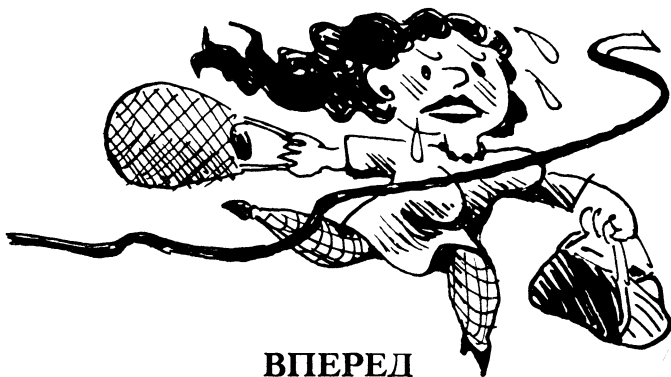
Рисунки О. ТЕСЛЕРА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1989**

А познакомились мы с ним, моим мужем, в 1980 году в очереди за обоями. Мне он сразу понравился тогда. Во-первых, остроумный. У него очередь была восьмидесятая, так он пошутил, что вот, дескать, ровесник века. Во-вторых, аккуратный. Отмечались мы по средам в 19 часов. И всегда он минута в минуту приходил. В-третьих, добрый. Кто ни спросит, за чем очередь, — объясняет. В общем, познакомились, стали встречаться. В театр пошли. У меня очередь за билетами в «Современник» оказалась ближе, всего-то 2245, а у него на Таганку 5894. Так что каждый вечер в «Современник» и ходили. Отмечаться. Постепенно выяснилось, у кого какие вкусы. Он, оказалось, книги собирает. На подписку Булгакова 1678 стоит. А я кино очень люблю. На неделю итальянского фильма в списке 641. В общем, через полгода (как раз, когда моющиеся обои давать стали) подали мы заявление в ЗАГС. Близко поставили. Всего шестнадцатые мы были. В первый же месяц после свадьбы записались за билетами на юг. Номер 258. Но так и не собрались. Семья, знаете... Зажили хорошо, весело. Я за детскими колясками встала. 314. А мужа на квартиру в список включили, номер 59689513458734312646. Нет, вот с мебелью как раз никаких хлопот не было. Моя мама за шкафом платяным всего 1395 была, а его мама за диваном — 1516. Пока что у его мамы живем. В комнатке. Телефона, правда, нет, но номер уже дали 595-14-94. Да нет, это никакой не номер телефона, это номер нашей очереди на телефон! Вот... Сынишка у нас растет. Васенька. В детсад записали. Представляете, уже цифры знает! Свой номер 96 может написать. Живем мы с мужем дружно, не ссоримся. Если отмечаться вечером — он идет, а если утром — я.

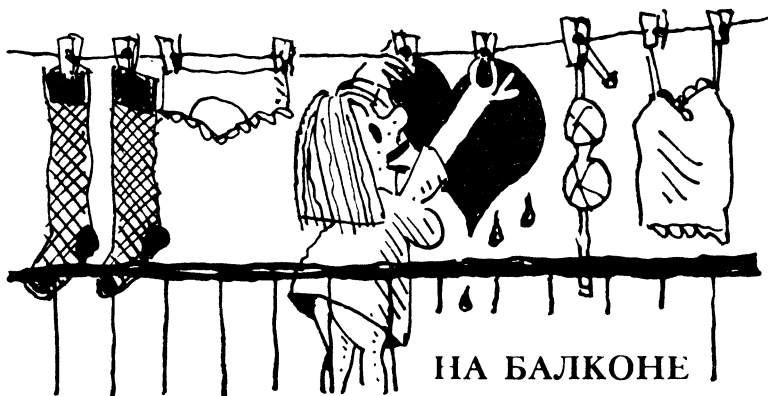
Так что все в порядке. Грех жаловаться. Только на этот самый «Кипарис» очередь медленно движется. Ну так что ж... Ничего не поделаешь... А у вас самой-то какой номер?

ВПЕРЕД

Бегу... Который сейчас час? Лифт. Подождите, пожалуйста!

Не видели, какой автобус ушел? А... вот еще один. Вперед проходите. Будете передавать? Что ж вы встали в дверях! Без десяти, но мои немного спешат. Да, четные дома здесь. Бухгалтерия на втором. Не за что. Доброе утро. К Сидорчуку? Сейчас забегу. Я же вам на стол положила. Ну, хорошо, я сбегая. Кто мне звонил? Вижу, на календаре. Алло! Когда? В восемь? А тебе самому трудно? Пока. Я быстренько, в плановый. Опять меня? Алло! Сколько? 37 и 8. Постараюсь. Который сейчас час? Бегу. Если меня спросят — вы ничего не знаете. Такси! Кто последний в восьмое окошко? Терапевта на дом. Спасибо. Такси! Меня никто не искал? Алло! Да, записала на сегодня. Что? Ох, совсем забыла. Который сейчас час? Бегу. Можно, я пораньше сегодня уйду? Спасибо. А на этом трамвае тоже можно? А вы мне скажете, когда выходить? После вас. Спасибо. Все в двенадцатую комнату? Кто последний? Здравствуйте. Я у вас уже была. Это точно? Но, может, где-нибудь еще... Минутку, я запишу. Где это? А они точно до шести? Который сейчас час? Бегу. Что, все в третью комнату? Я за вами. Здравствуйте. Мне посоветовали к вам. И ничего нельзя сделать? Эта дверь на улицу? Ой, где вы купили? А там много народу? Бегу. Который сейчас час? Сначала в кассу. А вы скажите, что я за вами. Кончилось... А здесь рядом еще можно купить? Две остановки. Вон за тем домом... Так ведь без пяти, а вы уже закрыли. Вот спасибо! Телефон-автомат где здесь? Алло. Достал? Молодец! За сколько до начала? За полчаса? Который сейчас час? Бегу. Что-то заболело слева. Ну что вы, не надо «Скорую». Я вам говорю, вам, с крылышками! Который сейчас час? Мне бежать надо...

В субботу утром Петюня Кисляев приобрел в универмаге оконный термометр, а днем уже стоял на балконе с молотком в руке. Примеряясь молотком по гвоздю, Кисляев косился на балконы напротив. «Вот стою я мужик мужиком, — думал о себе Кисляев, — и все у меня ладно и толково. Захотелось термометр повесить, и вот приколачиваю. И весь я такой. И все у меня так. Чего захочу — так и будет». Загордился, залюбовался сам собой Кисляев, хотя на самом деле был Петюня самым нелепым безруким мужичонкой, делать ничего в доме не умел, а жену свою боялся, когда она вечером во двор за ним приходила домой звать. Легко тогда поднимался Петюня из-за стола, костяшки откладывал и шел. «Как овечка», — дразнились ребята.

Но это все теперь неважно. А важно теперь то, что стоял Петюня на балконе и все озирался. Восхищения ему хотелось, что ли. Поклонения. А то как ни поглядит Петюня на свою жизнь, во всем он последний человек. И вот показалось Петюне, что шанс ему дан. Теперь. И заметит его, такого мастерового и ловкого, какая-нибудь красавица. Нет, не о красавице самой мечталось, боже упаси, а так просто... Может, поговорить. Давно-давно с ним никто из чужих не разговаривал. Да и из своих тоже.

Так вот, увидел Петюня, как в доме напротив вышла на балкон девушка. Издали очень красивая была девушка, и она как бы просияла, Петюню увидев. То есть просияла она или нет — на таком расстоянии разглядеть было невозможно, но хотелось именно так думать. В руках у нее было что-то белое. Повесила она это на веревочку и ушла. А Петюня еще немного поколбасился на балконе и прошел в комнаты задумчивый.

На другой день, в воскресенье, Петюня вышел на балкон с гантелями сына Лешки, который год уж был в армии и писал оттуда письма в «По-

левую почту «Юности». Жена немного удивилась, чего это он с гантелями, вот дурной, но потом стирать взялась и Петюню вовсе забыла. А девушка тотчас на балконе появилась. С лейкой. Постояла. Зелень какою-то там полила. Вроде даже рукой помахала. Нежно так и ласково. Отчего Петюня опять прошел в комнаты грустный и даже в рассеянности на палас наступил, чего обычно себе не позволял, а ходил рядом. Стал он думать, с чем бы еще на балкон выйти, но тут жена велела с ней к ее сестре ехать. Так и пропал вечер.

В понедельник Петюня красил балкон, а девушка остужала пироги, или, может, капусту квасила. Туман стоял, плохо видно было.

Во вторник девушка на балконе проветривала шубу, а Петюня натягивал новенькие балконные веревки, за которыми специально ездил в хозяйственный.

В среду Петюня разбирал на балконе банки и бутылки, а девушка мыло окно. Они вроде бы и не смотрели друг на друга, но Петюня знал, что она здесь, и от этого слегка сжимало ему сердце. Какая-то теплота и нежность обволакивала. То есть про нежность-то он и не знал, а просто душа болела, и все.

В четверг Петюня накурился на балконе до головокружения, но девушка не вышла.

Вышла она только в пятницу, а рядом стоял мальчишка лет пяти и какой-то здоровенный усатый мужик. Чего-то они с балкона разглядывали и беседовали.

Петюня охнул, попятился с балкона, схватил кепку и побежал из квартиры.

— Ты чего? — спросил его Толянч, который пока что один сидел за доминошным столом. — Случилось чего?

— Ребяенок у ей и муж! — неожиданно для себя пожаловался Петюня каким-то ненормально осевшим голосом.

— А ты, оказывается, специалист... — захмыкал Толянч. — При твоей-то исхитряешься... Ну, даешь!

— А чего теряться-то! — отвечал Петюня, как обычно отвечали другие мужики за столом. — Своя никуда не денется! Чего теряться-то!

После этих слов поболело у него слева, но минуту, не больше, пока ребята не подошли. Тут Толянч им и сказал, что смотрите, мол, какой спец сидит по чужим женам. Все посмеялись. И теперь признана за Петюней такая слабость к женскому полу, и у мужиков он теперь вовсе свой.

А бабу эту Петюня сколько раз потом у них во дворе встречал, но даже и не глядел на нее.

В ЦЕНТРЕ ГУМа, У ФОНТАНА

Проходя мимо фонтана, он услышал:

— Граждане, если вы потеряли друг друга, встречайтесь в центре ГУМа, у фонтана.

И он остановился. Стал ждать. Глядит, первой идет Лариса, нежная Лариса, которая приходила к нему все лето 80-го года, звонила ему трижды в день. И говорила: «Это ты? А это я!» Они расстались из-за того, что после какой-то ссоры он не захотел звонить первым, и она тоже не позвонила. Потом оказалось, в это время она лежала с воспалением легких. Но когда все это выяснилось, было уже поздно. Получалось, он — предатель. Пришла Лариса с парнишкой лет пяти. Замужем? Да. Любишь его? Да. А помнишь? Да. И ушла. И он стоял, трогая рассеянно коричневый гранит фонтана, похожий на козинак.

Потом пришла тетя Катя. Сколько раз он отсиживался у нее, спасаясь от скандалов с отцом. Школу тогда хотел бросить, отец возмущался. Сколько раз отсыпался у нее после пьянок. Тогда тетя Катя еще в центре жила. Ближе было к ней, чем домой, да и мама... Сколько всего было! Сколько ей теперь? Семьдесят? Здравствуй, тетя Катя! Замотался совсем. Ну, не обижайся. Ну, плохой. Ну, негодяй. Я позвоню. Я приду. Конечно, ты иди, ты очередь заняла за апельсинами, конечно, иди.

Сережка подошел. Боже мой, Сережка Рубахин, бывший друг, почти что брат. Говорят, хорошим художником стал. Что это было? Откуда взялась взаимная неприязнь? Ничего не вспомнить. Десять лет прошло. Привет, Серж! Ну и борода! У тебя сегодня день рождения. Помню, как видишь. Поздравляю. Живи долго.

Ушел Рубахин. Наверное, в продовольственный отдел. А на день рождения даже не позвал. Да...

А это кто? Какое знакомое лицо! Здравсьте. Вы все там же? Чертите? И я тоже. Звоните. Будете в Черемушках—заходите. Счастливо. Да кто же это? Такое знакомое лицо...

Кого же еще потерял он за все эти годы? Кто еще придет сюда, к этому мокрому от брызг бортику? Кто?

Афанасьевой Тамаре ворожею рекомендовали. Отличная, говорят, ворожея, берет недорого, а ворожит... что ты! Любой к сердцу присохнет, кого хочешь выбирай. А у Тамары как раз с Валентином роман резко падать начал. Валентин на недели пропадать стал, звонил реже, и, говорят, видели его с Анютой с его старой работы. В общем, кстати ворожея пришлась. Взяла Тамара червонец и поехала по адресу в Измайлово. Колдунью звали Зинаида Петровна, на вид лет сорока женщина, и принимала она клиентов в саржевом черном рабочем халате. Сонно осведомившись у Тамары, от кого она знает этот адрес, гадалка провела Тамару в комнату, где на столе стояло беленькое блюдечко с водой. Подула на воду гадалка, что-то пошептала и спрашивает:

— Кого присушить навек?

И тут на Тamarку нашло непонятное оцепенение, и вместо того, чтобы сказать фамилию и имя «Валентин Трофимов», она ни с того ни с сего бухнула:

— Алена Делона!

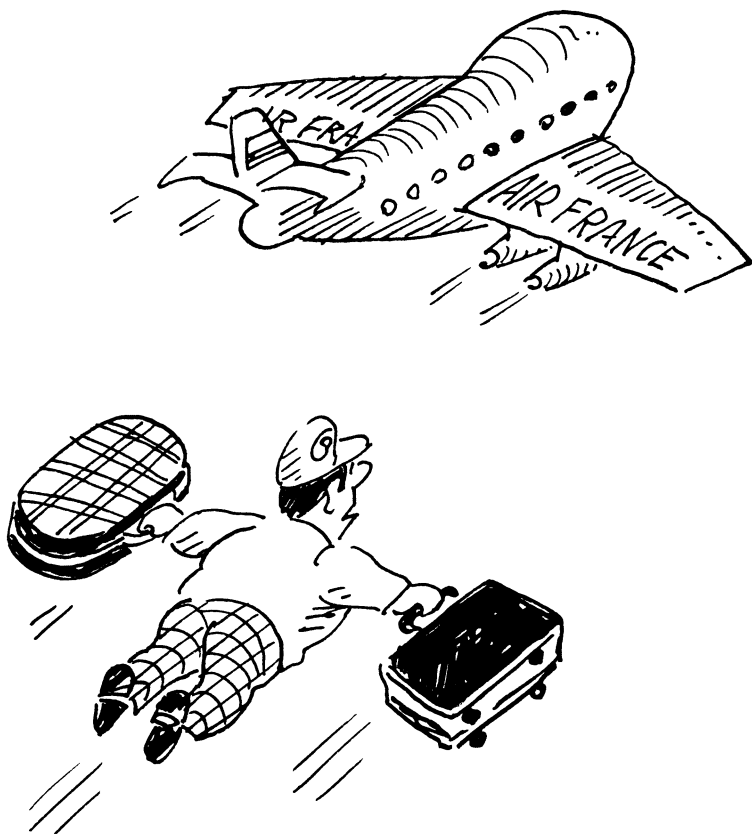
Ну, Зинаида Петровна опять что-то пошептала и говорит:

— Готово! Будет сохнуть-пропадать, ночами не спать, дни-часы считать, чтобы с тобой, Тамарочка, свидеться-увидеться.

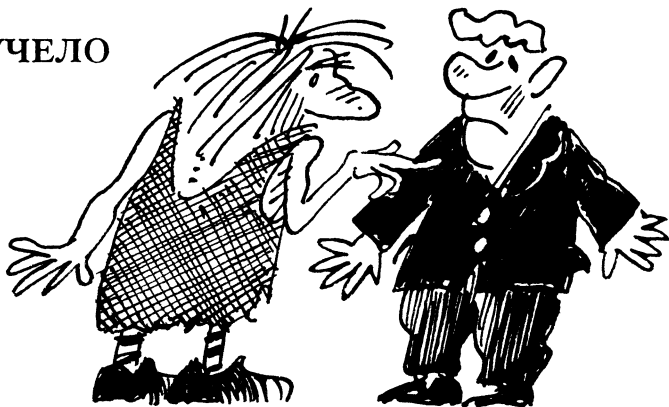
Ладно. Проходит неделя, и Тамара про ворожбу и думать из головы выкинула, а подружкам сказала, что, мол, ерунда все это.

А в это время в Париже в шикарном белом особняке Алена Делона происходит вот что. Принесли перед завтраком Делону свежие газеты, а там фотография «Москва, ля рю Горький». Лениво скосил он на нее глаза и тут же буквально за сердце схватился. В толпе с букетиком Тамара идет. И улыбается. И такая тут его печаль схватила, так душа затоско-

вала, что он даже затрахать не стал и массажиста прогнал. Лег на кушетку, в фотографию смотрит и губы кусает. Так целый день и пролежал, к телефону не подходил. А меж тем звонки были важные. Софи Лорен звонила и миллионер один. И вот, представьте себе, Тамара про это гаданье забыла совсем, а парень-то ее, Делон, сохнет, мается, ночью не спит, часы считает и оформляет документы на поездку в Советский Союз.

ЧУЧЕЛО

Магнитофон жарился на солнце, и его вафельный бок кричал боевым голосом Челентано.

— Адриано, Андриуша, ведь может, когда захочет! — лениво пошутил Серега, протягивая руку блондинке справа, черт знает как ее зовут. Ларисой вроде. — Пошли?

— Пошли! — И она аккуратно стакан с теплой водочкой пристроила рядом с пустой консервой.

На траве танцевать было так себе. Да и Лариса, откровенно говоря, тоже была так себе. Одни бретельки.

Рассеянно и лениво бродил Серега, Сергей Петрович Семенов, меж деревьев и машин, и веселых мужиков, и их жен, и протянутых рук со стаканами. А ведь со стороны казалось, большой праздник у них у всех, фейерверк любви друг к другу. Пикничок, словом, пыхтел вовсю. А на третьем часу веселья, когда кавалеры с дамами нечаянно стали исчезать в лесу, стал и Серега прицельно приглядываться. Незанятой оставалась Лариса.

— Может, погуляем, Лар, жарко тут, накурено... — снова пошутил Сергей, и Лариса, сдерживая усмешечку, погасила сигаретку.

Серега, конечно, эти усмешечки тридцатилетних одиноких женщин читал с лица запросто. Дескать, наш с вами сценарий, наше с вами и исполнение. И вот пошли они, и за руки взялись, и углубились... Вышли на поляну, полную каких-то фиолетовых цветов на длинных стеблях. Лариса охнула, умилаясь, отработывая репутацию женственной все ж таки и тонко чувствующей. И букет стала рвать.

— Ну давай, собирай... — ласково и любезно сказал Серега. — А я тут поброжу.

И пошел он влево от поляны и вроде недалеко отошел, но внезапно будто занавес прошелестел за спиной. обернулся и увидел, как деревья часто-часто сзади выстроились, ни тропки единой не осталось, только кусты мрачные, деревья черные, и — все! И как под колоколом тихо и гулко. Вправо рванул было Серега, но в кажущемся просвете прорезался вдруг мокрый и мрачный овраг.

— Заболелся, Семенов? — вдруг произнес кто-то рядом.

Серега вздрогнул и увидел рядом с собой чучело. Мужик или баба — непонятно. Длинноволосо, лицом мрачно, а одежда на нем — вроде мешок с дырками.

— Ну, что, Семенов, выйти хочешь отсюда? — продолжило существо.

— А мы знакомы, что ль, с тобой? — облегченно начал Серега, сразу беря тот дурацкий наглый тон, каким говорят городские с деревенскими, а еще с проводниками и уборщицами. — Ты меня откуда знаешь?

А сам уже прикидывал, есть ли у него рубль в кармане, чтоб этому чучелу дать, когда на дорогу выведет.

— Знакомы, а как же! — недружелюбно отвечало существо. — Я всех тут в лесу по именам знаю.

«Наверное, лесник», — подумал Серега и стал объяснять, что ребята вот-вот уедут на своих машинах, а он один дорогу не найдет.

— Ну ладно, выведу тебя, а чем расплатишься? — спросило чучело.

— Ну, это пожалуйста! — сказал Семенов, выуживая из джинсов трюльник. Понял, что рубля будет мало такому жутковатому типу, непонятно чего желающему. То есть, конечно, на уголовщину это все похоже не было, да и Семенов здоровенный малый и полгода на карате ходил. Но все-таки не по себе Сереге было рядом с этим чучелом.

— Да на что мне ассигнация твоя? — мрачно сказал тот (все-таки, похоже, он был мужского пола). — Ты ж меня не возле пивной встретил. А ты мне за то, что я тебя из лесу выведу, отдай, что всего тебе дороже. А иначе тут навек останешься.

— Ну, ты даешь! — нервно хмыкнул Семенов. — Люстру тебе отдай хрустальную да палас еще румынский... А может, подписками интересуешься? Ромен Роллан, Камю, Майков... И все за то, что ты меня к станции выведешь, которая в двух шагах? Ну, не слабо, старичок! Ладно, я пошел.

— Да куда ты попадешь-то? — сказал лесник.

И действительно, как ни старался Серега пролезть сквозь кусты, ничего не получалось. Вернулся на то же место. А чучело сказало:

— Не нужны мне твои паласы и люстры, и даже маска африканская, что тебе Педяев подарил, ни к чему. Отдашь ты мне, Семенов, за твое спасение то, что тебе всего дороже. Вот и думай.

Задумался Семенов. А что всего дороже, если не люстра? Мать умерла восемь лет назад. Отец еще раньше. Жена Марина? После того, как

на Белое море с друзьями съездила и среди друзей фирменного мужика Валентина встретила, с которым вроде было у нее что-то, — разве дорога? Детей нет. Друзья? Стасик, что ли? Или Женька этот, или Юрка? Да какие это друзья? Дружки. Работают вместе, в командировки ездят, а случись что, спокойно через перешагнут и к девкам своим поедут. Работой дорожить? Смешно. Тридцать скоро, а все ассистент оператора на киностудии. Во ВГИК бы поступить, да серьезно готовиться некогда, сплошные командировки. А в командировках одна радость, что на халаву пожрешь и деталь какую-нибудь дефицитную с завода утянешь, если там съемки. Режиссеры и редакторы, конечно, всех этих осветителей и ассистентов слегка презирают. Мол, тянут все, что плохо лежит. Но ведь понять можно. Все время в поездках, а командировочные — копейки, вот они, как волки, и на самообеспечении.

И получилось, в общем, что ничего такого особо важного и ценного в его жизни нет. Ну и ладно!

— Хорошо, — сказал Семенов. — Получишь свое. Только выведи.

— Через месяц приду, — предупредил этот малый, руку поднял и как бы помахал в пижонском приветствии.

И тут же оказался Семенов перед «Жигулями» Женькиными красными, а мужичок тот пропал вовсе. Все, оказывается, уже погружались в машины, скатывали одеяла и собирали сумки. Лариска стояла в обнимку со Стасиком и сделала вид, что Серегу не заметила.

Ну-с, вернулись не поздно, дома жена про пикничок не догадалась, а скоро Семенов и в командировку в Душанбе с группой уехал. А когда вернулся, жена сказала, что приходило какое-то чучело и просило напомнить Семенову про самое дорогое. Из Гострахса, что ли?

— Без понятия, — пожал плечами Семенов, вспомнил про лесного незнакомца и подумал, что на шутку это все не похоже.

А на другой день на студии подошел к нему человечек маленький. Хоть одет прилично, но все равно на чучело похож. Пиджак серый, волосы серенькие, а лицо, если долго смотреть, все время меняется. И сказало чучело:

— Не забыл наш уговор, Семенов? Отдавай то, что всего дороже.

— Уж и не знаю, как тебе сказать, почтеннейший... — нагло начал он.

— Да я знаю! — быстро перебил лесничок. — Марина да Валентин, ты да Стасик, да водка «Столичная», да сам ассистент в тридцать лет. А ДОРОГОГО что ж не нашёл? Самого! Такого, чтоб мне в ноги повалился и просил: не трогай!.. Такого, чтоб дрожал от страха, что вдруг один останешься. Без. Как же ты, Семенов? Человек ведь в постоянном беспокойстве за кого-то пребывать должен. А и человек ли ты, Семенов Серега? Эх! Восьмой ты такой мне попадаешься...

— А зачем это тебе? — презрительно спросил Серега, потому что на своей родной киностудии ничего он не боялся. И среди веселых и нахальных операторов, осветителей и суперов был он здесь как за каменной...

— Да так... — отвечало неопределенно чучело. — Наблюдаю. А вдруг, думаю...

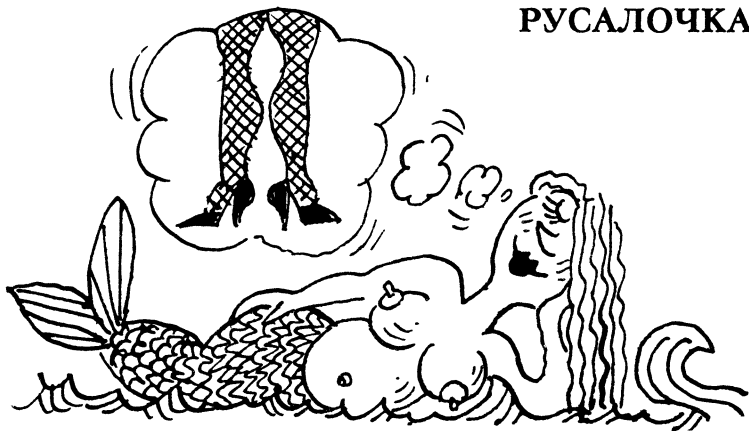
И пошел. Точнее, не пошел, а вроде растаял в воздухе.

Пожал Семенов плечами и в бар направился. Но там за кофе подсе-
ла к нему длинноногая монтажница, он отвлекся и про чучело забыл.

А ночью вспомнил и подумал: «Как хорошо! И нету у меня никого,
и лежу спокойно, и бояться не за кого, душа не болит». И заснул спо-
койно Семенов...

РУСАЛОЧКА

Русалочка и шесть ее сестер жили во дворце на дне моря. Стены во дворце были зеленые, как морская вода, а пол белый, как морская пена. Хозяйкой была, конечно, бабушка — Морская Царица, гордившаяся тем, что их род идет от русалок, описанных еще сказочником Андерсеном. Внучек бабушка обожала, баловала и не бранила, даже если они заплывали в нефтяные пятна и потом с чешуи долго не сходили черные разводы.

Когда русалочкам исполнялось шестнадцать лет, бабушка разрешала им выплывать на поверхность. Наверху было так интересно! Тянулись вдоль берега санатории и пансионаты. По морю носились воднолыжники, велосипедисты вяло переваливались на морских велосипедах. Женщины, у которых вместо хвоста были две тонких ноги, купались, жевали, лежали на песке. А красивые загорелые мужчины быстро, как ящерицы, перемещались от одной к другой.

Стоя по пояс в воде, русалочки, бывало, смешивались с этой радостной толпой, и часто их просили кинуть мяч, кликнуть паршивца Кольку, сыграть в «кинга».

Больше всех любила плавать среди людей самая младшая Русалочка. Однажды она увидела в море большой плот, на котором веселилась большая компания. Прекрасный стройный юноша с яркими синими глазами был в центре этого праздника. Все его обнимали, хлопали по плечу. В море летели бутылки, хохотали девушки на плоту, а Русалочка не могла отвести от него глаз. Юноша был так похож на мраморную статую с веслом и книгой, которая стояла у них во дворце! Статую уронил при погрузке пьяный грузчик, а услужливые дельфины принесли ее бабушке. Бабушка говорила, что так выглядят только настоящие принцы.

На другой день Русалочка отыскиала Принца на пляже. Принц играл в мяч, а Русалочка издали из воды любовалась им. Она проторчала у берега до самого вечера и потом видела, как принц гулял по песку и целовался с девушкой в длинном красном платье. Девушка была очень красива, но Русалочке издали казалось, что она похожа на злобную и глупую мурену. Дома она спросила бабушку, сможет ли человек полюбить русалочку, но та объяснила, что это невозможно, так как люди не способны любить тех, кто на них не похож. И, конечно, никому из людей не нужна русалка с хвостом вместо ног.

Тогда Русалочка решила пойти к морской ведьме, жившей в самой Маракотовой Бездне. Ведьма сказала, что это пара пустяков — сделать Русалочке две прелестные ножки, но только впоследствии она станет испытывать небывалую боль...

— Знаю, — сказала Русалочка, — буду ходить по земле, как по лезвию ножа, и мои ноги будут изранены...

— Нет, — засмеялась ведьма. — Все это было с той, андерсеновской Русалочкой. Тебя ждет другая боль. Ты будешь страдать от вещей, к которым люди привыкли и которые они не замечают, с которыми смирились, как будто их и нет.

— Согласна! — твердо сказала Русалочка и глотнула волшебное зелье.

Утром на пляж вышла девушка, у которой были самые красивые и самые стройные ноги на свете. И Принц тут же заметил ее. Он опустился на песок рядом с ней и сказал:

— Какие люди — и без охраны! Где я мог вас раньше видеть? Не в Доме ли кино?

— Возможно... — опустила глаза она.

Тут подошли два его приятеля со своими подружками, и все вместе они отправились в бар. Она назвалась Мариной. Так началась ее новая жизнь. Вместе со всеми она хохотала над анекдотами, в которых половину слов не понимала. И вслед за девушками весело повторяла:

— Ну, ребята, ну, кончайте ругаться, ну, ребята!

Принца звали Женья, и в тот же вечер она целовалась с ним на берегу моря, помня, что из моря, может, сейчас также следит какая-нибудь русалочка и завидует ей. Ночью в его неуютном одноместном номере она хотела рассказать ему о подводных садах, теплой лунной дорожке и о звездах, которые, если смотреть на них из воды, кажутся совсем сонными. Но Принц Женья сказал:

— Знаешь, я, видно, винца перебрал, что-то ничего не рублю, я немного посплю, а ты не обижайся, ладно? — и заснул.

На другой день Принц и Русалочка везде ходили вместе, а их друзья все время пили за любовь и потихоньку сплетничали, будет у них продолжение в Москве или нет... Но Принц Женья неожиданно для себя решил, что на этой девочке он, пожалуй, и женится, потому что сколько же можно одному болтаться?

И Русалочка стала жить в его доме. Принц Женья был инженером. Три раза в неделю он был репетитором по математике, два раза в неделю обивал новоселам двери дерматином и брал еще технические перемены. А дадут серебро продать или пластинки — продавал и диски, и серебро. Себе брал не более двадцати процентов. За посредничество. И люди к нему тоже ходили деловые и энергичные. Один экстрасенс, бармен из «Вешних вод», ювелир, бравший заказы в церквях. У Русалочки тоже появились подружки. Лиза — продавщица из валютной «Березки», Ирка — театральная кассирша, Нина Ивановна — жена одного нужного человека из министерства. Поначалу Русалочка пыталась с ними разговаривать. Ей хотелось побольше узнать про людей. Почему, спрашивала она, так одиноки старухи? Что такое милосердие? Как живут люди в маленьких городах? Как живет тем, за кого некому заступиться?

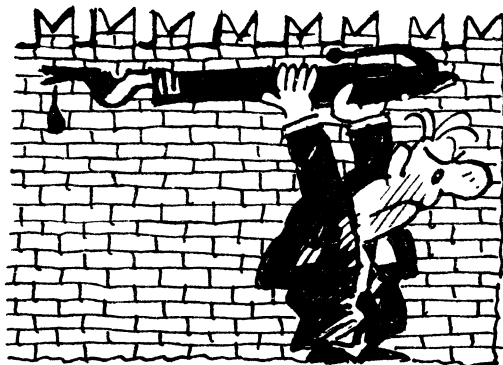
Но приятельницы, дождавшись, когда после ее вопросов наступит пауза, начинали стрекотать о квартирных обменах, ценах на меха и каком-то Толике. А Лизка как-то сказала Русалочке:

— Я вижу, ты человек порядочный, тебе можно доверять. Есть одно место на складе... Рублей триста ухватишь. А с умом если, и все пять сот...

От всех этих разговоров начинала у Русалочки болеть душа. Сначала редко, а потом уж стала ныть постоянно. Бывало, придут куда-нибудь на закрытый просмотр или спиритический сеанс, начнется треп про статью в «Литературке» или спектакль в Театре на Солянке, а у Русалочки как будто иголки в сердце плавают. Стоит она, морщится, с места сдвинуться не может. И говорит тогда тихо и медленно. За что ее оригинальной женщиной считали.

А дома все чаще и чаще приходит она в ванную комнату, садится на край ванны, открывает кран и долго смотрит на зеленую воду с белыми пузырями.

А Принц Женья, придя с улицы, если застает ее за этим занятием, то злится, бросает на пол и топчет ногами свой шведский пиджак и гонит ее из ванной прочь.

МОСКВА — ВАШИНГТОН

Новый главный редактор вызвал к себе фельетониста Савушкина, усадил, предложил курить и сказал:

— Прочел я ваши последние фельетоны в нашем журнале, товарищ Савушкин. Пишете вы остро, занятно, только однообразно как-то.

— В каком смысле? — насторожился фельетонист.

— А в том смысле, что сюжеты у вас одни и те же: недостатки, недоделки, дефицит. А это приедается, знаете ли...

— Но законы жанра... — начал Савушкин.

— В жанрах я тоже разбираюсь... — осадил его Главный. — Персонажи ваших фельетонов кто? Ворюги, взяточники, хулиганы. Несимпатичные люди, словом. А пишете вы о них как? Вот слушайте! — и он прочитал: — «Глазки у завскладом были быстрые и вороватые». Ну что это такое? Не спорю, пусть они все не очень хорошие люди, но это же все-таки наши люди, а вы о них так... Вас почитаешь, так получится, что у нас в стране и хороших людей-то нет.

— Ну почему? — изумился Савушкин. — У нас хороших людей достаточно. Просто я сатирическим пером, так сказать...

— Так вот и направили бы свое перо куда-нибудь в другое место! Ну например... — Главный подумал, — например, напишите о странах развитого капитала. Ведь у них за океаном такое творится! Вот куда надо направить свое жало сатирика. Нашему читателю, уверен, это будет интересно. А про свои недостатки мы и так знаем, чего про них писать на страницах всесоюзного журнала? В общем, жду вас с новым фельетоном.

Через два дня Савушкин положил на стол редактору напечатанные на машинке листочки.

— Почитайте. Вроде получилось... — смущенно сказал он.

И Главный прочел:

«Восемь часов тридцать минут Вашингтонское время,—сказало радио, и мистер Джексон, на ходу застегивая пальто, вышел на улицу. Он прошел мимо заброшенной стройки (лет пять назад фирма «Дженерал моторс» начала строить новый цех: заложила фундамент, стены, да так и бросила), миновал пивную, где уже толпились молодые рабочие утренней смены фирмы «Дженерал электрик», и вышел к остановке.

От их нового микрорайона до метро шел всего один автобус, поэтому стояла огромная толпа, нервно смотрела на часы и кляла негров на чем свет стоит. Через полчаса автобус подошел, и мистеру Джексону удалось в него втиснуться. «Остановка «Супермаркет»!—объявил водитель, и Джексон, спросив стоящего впереди: «Вы выходите, сэр?»—вылез на улицу. В супермаркете давали дефицит: хозяйственное мыло — и очередь тянулась аж до памятника Джорджу Вашингтону.

Мистер Джексон вошел в свой офис. В офисе было мало народу. Накануне подшефный фермер потребовал дать ему по десять инженеров от каждого отдела на уборку его картошки. До обеда Джексон водил по офису экскурсию бой-скаутов из соседней школы, а в обед выскочил в магазин.

Была пятница. День, когда за продуктами в столицу Америки — Вашингтон съезжается чуть ли не вся Америка. В магазине было многолюдно, а в колбасном отделе стояла большая очередь. В ней можно было встретить и краснокожего индейца, и жителя Чикаго с авоськой, и неуклюжего оклахомца с мешком, немало было нью-йоркцев. Джексону удалось без очереди ухватить 200 гр. ливерной колбасы, и он поспешил на работу. Предстоял неприятный разговор с президентом фирмы.

— Отпустите меня сегодня пораньше, сэр,—попросил Джексон.— Неделю сантехника караулил. Вроде на сегодня договорился.

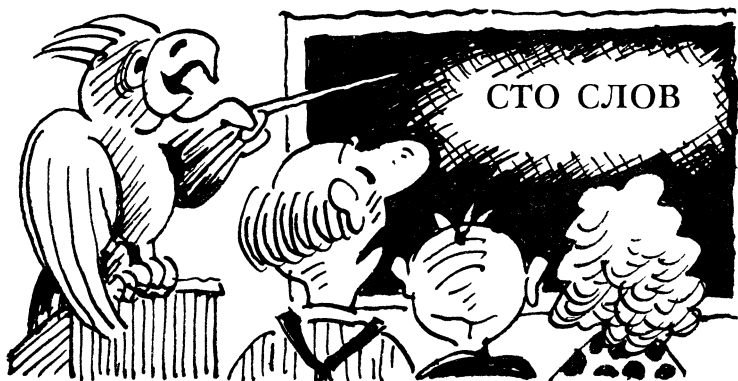
Президент просьбе вял и отпустил.

Сантехник, однако, оказался не джентльменом. Пришел на два часа позже обещанного, и к тому же от него сильно разило виски.

— Прокладка у вас полетела, папаша,—сказал он, покопавшись в ванной.— Новую надо ставить. Цена наша обычная, сами знаете, пять долларов, но зато поставлю импортную, советскую. Износа ей не будет!

После его ухода мистер Джексон включил телевизор, посмотрел программы «Сельский уик-энд» и «А ну-ка, герлз!» и лег спать.

Под окном шумела пьяная мафия.

Селиванов прочел в вечерней газете, что у некоего гражданина живет попугай Веня, который знает тысячу слов. Селиванов покрутил головой и позвал жену Машу.

— Маша, тут пишут, что попугай тысячу слов знает,— сказал он.

— Мало ли чего не напишут...— пожала плечами Маша.

— Да ты сама-то небось столько слов не знаешь! — обиделся Селиванов.

— Это почему же? — равнодушно спросила Маша, переставляя хрустальную вазу с серванта на середину стола.

— А вот не знаю почему. Родилась, наверное, такая! — сердито сказал Селиванов и позвал сына-семиклассника.

— Юрка! А наша мама и тыщи слов не знает!

— Ну да! — так же равнодушно отозвался Юрка. — Чего это она так?

— Да откуда ты знаешь, сколько я знаю, а сколько нет! — поджала губы задетая за живое Маша.

— А давай проверим! — воскликнул Селиванов. — Будем все твои слова записывать, потом подсчитаем, сколько всего будет...

— Ты свои записывай,— сказала Маша.

— И свои запишу, не беспокойся,— язвительно отвечал Селиванов. — Юрка, ты вот тут на двери палочки карандашом черти. Потом сплосуешь.

— Угу,— сказал Юрка и сбегал за карандашом.

Минуту сидели, не зная, что сказать.

— Начинай, Маш,— сказал Селиванов.

— Чего начинать-то? — посмотрела на него жена.

— Ну чего ты обычно говоришь-то? — предложил Селиванов. — То и говори...

— Ну... Включи телевизор...— нехотя сказала Маша, и Юрка немедленно начертил карандашом палочку на дверях.

Включили телевизор. Стали смотреть. Во время передачи Селиванов трижды крикнул на вратаря «Козел!», и Юрка спросил, как это слово записывать, как одно или как три.

— А вот я тебе сейчас покажу «как сколько»,— привстал Селиванов, и Юрка что-то изобразил на двери. После хоккея показали «Театральные встречи», и говорить стало не о чем. Спектаклей этих, про которые там рассказывали, Селиванов не видел, так что сказал только одно слово: «Мура!», выключил телевизор и лег спать.

На другой день было воскресенье, и Селиванов пошел с другом Арканей пить пиво. За пивом он, как всегда, произносил одни и те же слова, только склонял по-разному и подумал, что Юрке надо сообщить, что за пивом произнес он десять слов. Правда, при этом он слегка удивился, потому что считал, что беседа прошла очень содержательно. После пива дома эксперимент продолжался. Мать, оказывается, за это время произнесла только пять слов. «Убери свою комнату!»— это сыну. И «Дрянь паршивая!»— имея в виду кошку. Когда Селиванов пришел, она спросила: «Есть будешь?» и «Завтра премию давать будут?». Потом опять включили телевизор. Шла седьмая серия фильма «Барс убивает по четвергам». Серию смотрели молча, потому что разговоров во время серий оба не любили. Потом легли спать.

В конце недели Юрка подвел итоги.

— Мама за неделю произнесла восемьдесят слов, из них тридцать, уже бывших в употреблении. Итого — пятьдесят.

— А ты откуда знаешь?— спросила рассерженная мама.

— А я на бумажке их записывал,— объяснил Юрка.

— А я?— спросил Селиванов.

— А ты семьдесят. Из них двадцать одинаковых...

— Это что ж выходит, мы всего сто слов знаем?— спросил хмуро Селиванов.

— Угу,— сказал Юрка и скрылся в своей комнате...

Есть у меня один знакомый. Странный человек. Он плачет, когда слушает Шопена. И с женой у него что-то. И рассказы не печатают. Неудачник.

Я все время хочу его понять. Я хожу вместе с ним на концерты, сижу рядом. Я смотрю на него, а у него в глазах слезы. Наверное, он вспоминает про жену и про то, что рассказы не печатают. Потому что он неудачник и простофиля. Он тихо говорит «нет», когда нужно во всю глотку орать «да». Но зато когда нужно промолчать, он вообще рта не закрост. Чудак.

И к тому же он вечно недоволен своей работой. Что-то он чертит и конструирует, а ему кажется «не то». Потом он переделывает, и все равно ему мерещится, что не так. Подумать только! Быть недовольным своей работой! Да как же это можно? Вот я, например, пою в хоре. Вы слышали этот хор, человек так на триста коллектив. Мое место в одиннадцатом ряду, в самой середине. У меня замечательная работа. Дай бог каждому. Мне не нужно подбирать репертуар и искать свое лицо. Потому что у нас один репертуар и одно лицо на триста человек.

И вообще я не понимаю, зачем петь одному? Зачем мучиться, плохо спать ночами, пить с горя, зачем все эти лихорадки, если можно петь в хоре? А?

Когда сфальшивит один певец, это заметят все: и публика, и пресса, и худсовет. А я в своем одиннадцатом ряду какого угодно петуха могу дать. Только сосед и услышит. А он — свой парень.

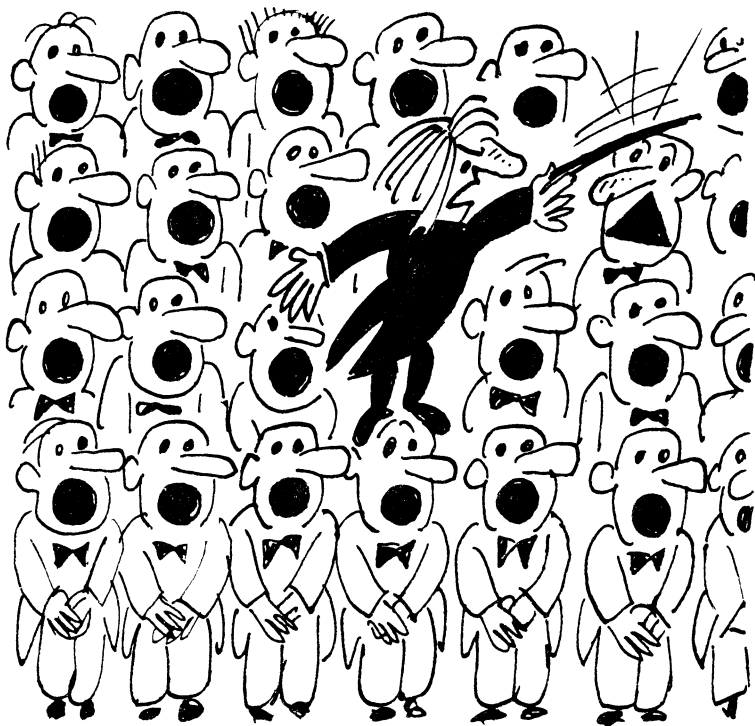
И замечаний мне никто не делает. Просто не успевают. Пока до нашего ряда дирижер доберется — нас уже нету. На гастроли уехали. И вообще пускай первые ряды и горят на работе. По телевизору их крупным

планом показывают. И на концертах зритель их больше любит. Уставится в них и аплодирует. А на наши ряды головы никто не поднимет.

Мне вот друзья говорят: ты же умел когда-то один. А я и сейчас один. Нравится песня — пою вместе со всем нашим хором. А не нравится — я ее нипочем петь не стану. Буду стоять и просто рот открывать. Как поют под фонограмму, видали? Так что дудки! Если репертуар мне не нравится — меня петь не заставишь...

А что до аплодисментов или там заграницы, то это все есть. А уж когда пресса ругать нас берется, то здесь, как вы понимаете, тоже неплохо дела обстоят, потому что все триста фамилий в газете не напечатают. Даже нонпарелью.

Так что пойте в хоре, дорогие товарищи!

ЭТОТ КОШМАРНЫЙ СЛУЧАЙ

Прошкину на службу позвонил приятель

— Привет! — сказал он. — Как дела?

— Ничего... — сказал Прошкин. — А у тебя?

— Ничего, — сказал приятель. — Ты мне не звонил?

— Нет, — сказал Прошкин. — А ты?

— А вот звоню, — сказал приятель. — Ну... Сергеева видел?

— Нет, — сказал Прошкин. — А ты?

— И я, — сказал приятель. — М-да... Слушай, а я сегодня жену твою видел. Руки не подала. Промчалась вроде как на пожар.

— Пожар? — вскричал Прошкин. — У нас? Дома?

— Ну что ты! — сказал приятель. — С какой стати пожар? Это поговорка такая «как на пожар»...

— Значит, нет пожара? — спросил Прошкин.

— Нет, конечно. Откуда пожар-то? — сказал приятель. — Не понял ты что-то. Плохо тебе слышно, что ли? Погоди, я перезвоню!

— Шутишь ты как-то странно, — сердито сказал Прошкин. — Привет!

Он положил трубку и подошел к начальнику.

— Представляете, — сказал он. — Вот и пожар у нас. Дом пылает.

— Так чего же вы сидите? — поинтересовался начальник. — Пожарная выехала?

— Не знаю, — сказал Прошкин. — На самом-то деле никакого пожара нет, — спохватился он. — Это мне приятель тут один позвонил, а я не понял, подумал, что пожар, а это он про жену сказал, что она как на пожар бежала.

— Так был у вас пожар или нет? — спросил начальник.

— Нет, конечно. С какой стати быть пожару? Я говорю, мы с приятелем друг друга не поняли. Плохо слышно было, что ли...

— Ну и слава богу! — сказал начальник.

А Прошкин сел на место.

— Испугались, наверное, — сказали люди, находившиеся по различным делам в этом учреждении.

— Да, уж конечно!

— Уж надо думать!

— Шутка, что ли, такой звонок...

— Ох, — сказал Прошкин. — Вот только сейчас и почувствовал... Со стула сняться не могу...

И он пошел в машбюро.

— Пожар у нас, — сказал Прошкин в машбюро.

— Когда?

— Никогда. Недоразумение. А я думал — правда, и чуть не свалился у телефона. Такое потрясение — полчаса отходил. А если б он жене позвонил, представляете, что с ней могло быть?

И Прошкин печально вышел в коридор. А в коридоре курил председатель месткома.

— К врачу иду, — сказал Прошкин. — Знаете, как это бывает? Сначала сильное волнение, а потом полный упадок сил.

И Прошкин пошел к выходу.

— Уж не знаю, допозду ли до поликлиники, — сказал он гардеробщице. — Воздуху не хватает. Будто как ударило чем. Эх!

И Прошкин вышел на улицу. Через полчаса он позвонил на службу.

— Алло! Это я. Сейчас у врача сижу. Еле дошел. Наверное, бюллетень возьму. Отлежусь дома. Нет, вряд ли к завтраму выкарабкаюсь. Худо мне, совсем доконал меня этот звонок.

Дома Прошкина никто не ждал, а он, наоборот, стал ожидать жену. Когда она пришла, он сказал слабым голосом:

— Вот только пожара нам и не хватало.

— Кому? — спросила жена.

— Нам, — сказал Прошкин. — Пожар у нас был сегодня.

— На работе? — спросила жена.

— Нет, дома, — сказал Прошкин.

— И что же сгорело? — спросила жена, озираясь.

— Ничего, конечно. Это Федоров звонит мне и говорит, что ты бежала как на пожар, а он мимо шел. Я и решил, что пожар, понимаешь. Говорю с ним, а ноги не держат. С работы отпросился, пошел к врачу. Тот на меня только глянул и сразу бюллетень дал. На неделю. Отлежусь, а там видно будет... Да... чувствую, сегодняшний день мне дорого встанет. Совсем доконал меня этот проклятый звонок.

И Прошкин устало закрыл заплаканные глаза.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Они сидели в темной комнате, поставив стулья полукругом, чтоб всем было хорошо видно. Наконец зажгется светлый прямоугольник экрана. И зажужжал проектор. Сначала на экране появился нос.

— Вроде бы похож, но не совсем... — засомневался один из присутствующих. — Мне кажется, нужен нос типа греческого...

На экран выплыл греческий нос.

— Чуть бы покороче, а? Как думаете, ребята? — включился в разговор другой из присутствующих.

— Точно! Покороче — и порядок! — согласились окружающие.

И когда наконец на экране появилась та форма носа, которая всех устроила, сидящий отдельно за столом усталый человек с седыми висками уверенно сказал:

— С носом, кажется, выяснили, товарищи. Теперь глаза.

На экране появились глаза.

— Ну нет! — решительно произнес чей-то голос. — Нужны глаза с прищуром. Как будто человек не смотрит, а...

— Целится в тебя, — подхватил другой голос.

— А цвет не запомнили? — поинтересовался человек в штатском.

— Синие, — уверенно сказала единственная здесь женщина.

Рот, подбородок, лоб — все это было найдено довольно быстро, хотя и не без споров. Словесный портрет, или «фоторобот», был готов.

— Чуть не забыли, товарищи, — поднялся еще один человек в штатском. — Особые приметы. Шрам или картавость, манера говорить. Ну, кто что вспомнит!

— Когда сидит, постукивает правой ногой...

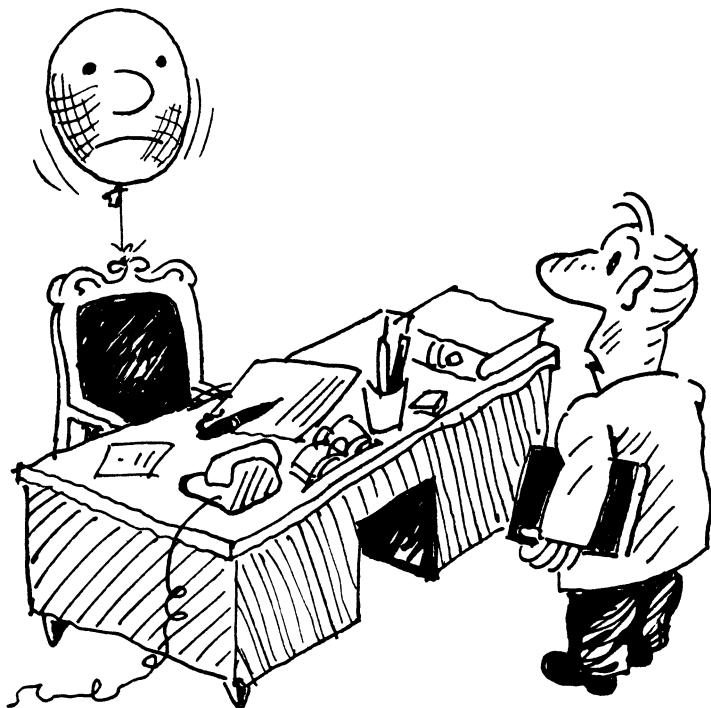
— При ходьбе тихонько насвистывает...

- Курит «Приму». Носовой платок с инициалами.
- Вполне достаточно. Благодарю вас. Все свободны.

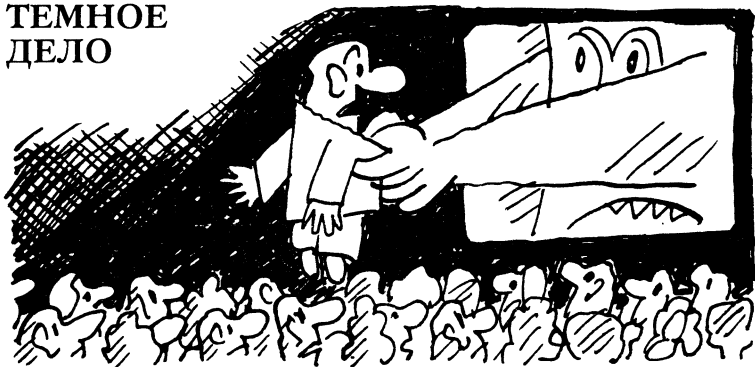
Все начали расходиться. В коридоре одного из них остановил сослуживец.

- Что, Серж, там у вас собрание было?

— Да нет. Понимаешь, к нам в отдел два месяца назад инженер пришел. Молодой специалист. Только четыре раза его с тех пор и видели. В получку и аванс. То он где-то курит, то куда-то вышел, то еще не вошел, то в буфете, то в главке, то еще неизвестно где. А вчера его начальство вызвало: хочет познакомиться. Стали мы его искать, и тут, понимаешь, выяснилось, что никто, ну никто не помнит, как он выглядит. Вот составили словесный портрет. Вывесим в курилке, в буфете, в коридоре. Найдём!!

ТЕМНОЕ ДЕЛО

С этими фильмами, приключенческими, никогда наперед не знаешь, чем дело кончится. То ли шпион на парашюте скроется, то ли, наоборот, никуда ему скрываться не следует. Темное, говорю, дело... Причем в любой момент полнейшая неожиданность произойти может.

Однажды как было: сижу в кино. Фильм — за сердце хватает и две серии так и держит. Ну, первую серию мы благополучно просмотрели. Ничего не поняли. Ко второй приступили. Тишина такая... Всеобщее напряжение. И тут сосед мой справа, он, видно, очень этим фильмом заинтересовался, толкает меня и говорит тихо:

— Вот он!

— Кто? — спрашиваю.

— Резидент, — говорит.

— С чего это вы взяли? — говорю. — Это наш.

— Да ну, что вы! — ужаснулся тот. — Если бы наш был, тогда бы, знаете, что было?! Ого-го!

— Ничего вы не поняли! — обернулся к нам гражданин из четырнадцатого ряда. — Это посторонний человек.

— И его сейчас убьют, — добавил его сосед.

— Жалко парня, — сказал я, — молодой такой... Ни за что...

— Шпионов жалеет! — сказали за моей спиной. — Это надо!

— Какой же это шпион, — возмутились с балкона, — когда он всю первую серию на гитаре играл?

— Правильно, — сказали за моей спиной, — главного шпиона ни за что в первой серии не покажут.

Тут кто-то заорал: «Вот она!» — и все обернулись к экрану. Спиной к нам стояла очень подозрительная старуха. Газету в киоске покупала. Минут пять покупала. Крупным планом. Потом она куда-то заспешила, и мой сосед сказал задумчиво:

— Не нравится она мне... Не пойму только чем.— Но тут партер ее под защиту взял. Раз, говорят, она всем нам не нравится, значит, говорят, это наш человек. Это же, говорят, и дураку ясно. Это, говорят, новый кинематографический ход. А против нового хода что скажешь? Помолчали. Потом, гляжу, впереди какие-то волнения творятся, крики.

— Если,— это один кричит,— сейчас же мне резидента не покажут, я прямо не знаю, что... Я здесь такое устрою! Не удерживай меня!

Нервный такой зритель... Его, конечно, успокаивают. Одни говорят: «Вон у них кто самый главный». Другие говорят: «Вон тот». Всеобщее напряжение. Партер на партер поднялся. Правая сторона на левую. Ну, тут с балкона перегнулись и кричат: «Убили! Убили!» Все опять по местам разбежались. Успокоились. Глядят. А кого, где убили, неизвестно. И у кого ни спросишь, никто не знает. Проглядели в суматохе.

— Может, старуха все-таки до него добралась? — спрашиваю соседа.

— Наверяд ли,— отвечает.— Я почти что все время глядел. Может, конечно, она с черного хода, не знаю...— Тут опять, разумеется, споры пошли, дискуссии. Некоторые уточнения. Орут все, героев экрана не слышно. И вдруг я все понял. Догадался. Такая меня мысль осенила.

— Товарищи! — кричу.— А давайте это кино молча,— кричу,— спокойно,— кричу,— доглядим! Иначе,— кричу,— мы и вовсе ничего не поймем!

Гляжу, как-то потише стало.

— Здравствуйте, — сказали в амфитеатре. — Мы, значит, не поймем. Он все поймет. Во всем разберется. Смышленный очень.

— Умница такая, — сказали за моей спиной, — а здесь, значит, одни дураки сидят. Идиоты собрались. Оригинально!

— Жалко, темно здесь,— сказали на балконе,— поглядеть бы на эдакого умника.

— Подождем — увидим,— сказали в первых рядах.— Где он сидит-то?

— А чего ждать? — возразили с балкона.— С голоса брать надо.

А один, возможно, беспокойный, вскочил, откидным местом хлопает...

— Проведите меня к нему,— кричит,— я хочу видеть этого человека!

Короче, энтузиасты нашлись. Откладывать не стали. Взяли меня и вывели и тихонечко около билетера положили. Я-то на них не обижаюсь. Кино такое: напряженное очень. Вот только жалко, неизвестно, чем там дело кончилось. Кого арестовали, кого, наоборот, выпустили. И со старушкой неопределенность. Второй раз, видно, придется пойти.

СМЕШНОЙ МОТЫЛЕК

*Пьеса для девочки,
транзистора,
телевизора
и магнитофона*

В пьесе участвуют:

АЛЛА ПУГАЧЕВА
ЮРИЙ АНТОНОВ
ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ
ДОЦЕНТ СИДОРОВ.

Действие происходит в обычной городской квартире. На сцену врывается шестиклассница О л я и радостно швыряет в угол сумку с учебниками. Часы бьют час дня. Секунду подумав, Оля включает одновременно транзистор, телевизор и магнитофон.

ТРАНЗИСТОР: «Начинаем передачу для родителей. У микрофона доцент Сидоров».

ТЕЛЕВИЗОР: «... чинаем концерт. Первой в нашей программе выступит...»

МАГНИТОФОН: «Он идет себе лениво, ускорять не любит шаг. Хочет жить легко, красиво, без усилий, просто так...»

Оля берет театральный бинокль и застывает у окна.

ТРАНЗИСТОР: «Очень важно, чтобы учащиеся интересно и содержательно проводили свое свободное время...»

Оля решительно снимает телефонную трубку.

ОЛЯ: Танька, что скажу! Вовке Степанову собаку подарили. А он нам ни слова. Ага. В окно увидела. А ты чего делаешь?

ТЕЛЕВИЗОР: «Делу время, делу время, да-да-да, а потехе час!»

ОЛЯ: А ты Ирку видела? Ой, да ты что! У нее такие потрясные сапоги! Класс!

ТРАНЗИСТОР: «Пустое времяпрепровождение отрицательно сказывается на личности ребенка...»

ОЛЯ: А чего делать будешь? Может, на балкон выйдешь, а я на тебя посмотрю в бинокль. Интересно, увижу или нет? Ой, вижу, вижу. А ты в чем? В маминой кофте? Ой, а я сейчас тебе куртку покажу. Ты тоже бинокль возьми.

Оля кладет трубку рядом с телефоном и надевает куртку.

МАГНИТОФОН: «Смешной мотылек вам, ребятки, урок... Чтобы жизнь не прожить мотыльком...»

ОЛЯ: Ну, видишь меня? Чего блестит? Это мамина цепочка блестит.

Часы бьют два.

ОЛЯ: А ты чего Петьке в записке написала? Я не вру, я видела. Да-а? А он чего ответил? Да-а? А ты ему чего ответила?

ТЕЛЕВИЗОР: «Жить! Гореть и не угасать, жить, а не существовать...»

ОЛЯ: Я еще и губы накрасила, только жалко, тебе не видно.

ТРАНЗИСТОР: «Музеи, театры, концертные залы — все это служит нашим детям, развивает их эстетические вкусы и способности...»

ТЕЛЕВИЗОР: «Жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остановишь...»

ОЛЯ: А я какую маечку видела... Класс! Впереди вся вышитая, сзади вся в квадратиках...

Часы бьют четыре, пять и шесть.

Алла ПУГАЧЕВА

Юрий АНТОНОВ

Валерий ЛЕОНТЬЕВ

Доцент СИДОРОВ — все вместе:

— Девочки, да занялись бы вы лучше каким-нибудь делом, а?

ЗАНАВЕС.

РОЗОВЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Все! Будет с нас! Пора и честь знать. Хочется передохнуть, сделать паузу, отложить в сторону перо фельетониста. И отвести воспаленные глаза от традиционных объектов сатиры. Пускай, как в стоп-кадре, застынет нетрезвый сантехник с грязным шлангом в руке. И раскроет рот в немом хамском выкрике продавец, а заветное слово так и не вылетит. И съжится книжный спекуль, увидев перед глазами некое удостоверение.

Вот так и оставим их всех. А мы с вами расслабимся, пойдем взглядом на хороших людей и быстро назад.

Гм... Однако нечасто фельетонисты пишут о том, как работают добросовестные люди. Мало нормальным труженикам от нас ласки перепадает. А ведь мы тоже люди. И нас тоже потрясти и смутить можно. Читаешь, например, такое письмо:

«Несколько лет наша семья и наши знакомые пользуемся услугами ателье № 14, производящего легкий ремонт одежды (Дмитровский п., 11), — пишет В. Зайцева. — И всегда общение и с мастерами, и с приемщицей доставляет радость. Работают они очень толково, творчески, без брака. И с чем ни обратишься — всегда сделают. К ним можно прийти и за пять минут до конца работы — все равно встретят приветливо. А тут зимой, вы не поверите, был случай. В ателье обед, на улице небольшая группа людей. Стоим, ждем. За 20 (за двадцать!) минут до конца обеденного перерыва подходит к дверям приемщица. Оглядела всех и сказала: «Ну, пошли! Приму вас всех, не мерзнуть же вам на улице!» Мы хоть и отказывались, но она настояла. И приняла. Вот какие хорошие люди работают в ателье!»

Многое мы повидали в своей жизни, но вот эпизод с обеденным перерывом нас шокировал. Другое письмо еще того чище.

«Позвонила в мастерскую № 88 по ремонту холодильников, что на Ленинском проспекте, д. 151. Вызываю мастера на дом. Заказ принимает Гурина Анастасия Николаевна. Расспросив, что с моим холодильником, пошла, узнала что-то у мастера, а потом велела холодильник выключить. До прихода специалиста. А то, дескать, сгорит мотор. Ее совет, данный просто из любезности, сэкономил мне 100 рублей. Спасибо ей!».

Тоже переборщила Анастасия Николаевна. Казалось бы, какое ей дело, у кого чего сгорит. Ей за инициативу не платят. И даже спасибо не говорят. Как выяснилось из того же письма тов. Кутеповой Л., растроганная читательница послала свою благодарность в Министерство бытового обслуживания. Но, скупое на доброе слово, промолчало министерство. Наверное, решило, что это ехидная жалоба.

«Дорогая редакция! Как дальше жить после этого? — восклицает И. Ломова в своем письме. — В магазине «Букинист» № 75, Щербаковская ул., 40/42, оставила я открытку на один словарь. Через некоторое время мне оттуда позвонили, что словарь поступил и нужно за ним прийти. Но тут меня срочно послали в командировку, и вернулась я через две недели. Решительно ни на что не надеясь, я позвонила в магазин и спросила: «Мой словарь, конечно же, продан?» А мне ответили: «Ну что вы! Он же вам нужен, как мы можем его продать? Он вас ждет...»

Вот ведь дела, а? Приходит в магазин обыкновенный покупатель, оставляет обыкновенную дешевую открытку с телефоном. И вместо того, чтоб эту открытку положить в какой-нибудь укромный ящик и навсегда о ней забыть, работники магазина сверяют свои поступления с нашими пожеланиями. А потом звонят. И ждут (см. письмо). Такое ведь делается не по инструкции. Отличная работа! И прекрасное к нам, покупателей, отношение!

Интересно, знаете ли, получается. Обычно стоит кому-то высказать недовольство сферой обслуживания, как немедленно появляются сто человек, которые обстоятельно объяснят, что: а) на эту зарплату хороших работников найти трудно; б) мастера нервные, потому что посетителей много; в) клиенты — народ бестолковый, свои просьбы объяснить не могут, поэтому много времени уходит зря; г) и вообще все, что вы предлагаете, сделать невозможно!

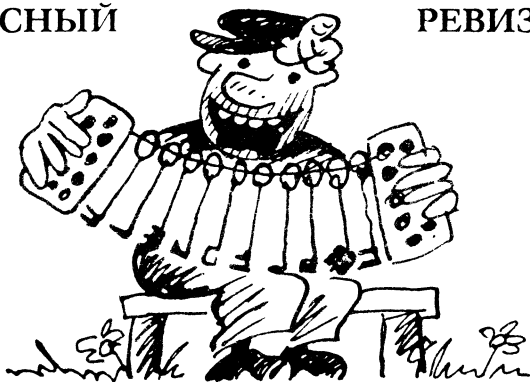
Хорошо, что для ответа ему есть у нас аналоги, есть прецеденты, есть примеры, есть образцы. Хочется вспомнить, например, как работает Бюро ремонта телефонов 332-05-61. Любой, не имеющий технического образования и не всегда на диво сообразительный человек, может туда позвонить, и его терпеливо выслушают. А потом придет доброжелательный телефонный мастер, который просидит у абонента ровно столько, сколько это необходимо. И не хочется даже для сравнения вспоминать, как чванливо, морщась от нашей технической невежественности, посетил нас телевизионный мастер из того же района. Как снисходительно выслушивал, ронял сквозь зубы «Да-с» и «Нет-с» и как ушел, толком не

объяснив ничего. Так что же? Те ребята за ту же зарплату могут, а эти уже никак?

Нет, что ни говорите, нам можно уже не робеть перед ними. С каждым годом желающих работать в сфере обслуживания все больше, а халтурщиков все меньше. И о тех, кто работает, преодолевая стереотип общения, принятые штампы, хочется говорить почаще.

Вот о чем, собственно, и был наш сегодняшний фельетон.

Была весна. Пели канарейки в клетках. Заведующий отделом культуры Башковинского райисполкома Герасим Петрович Мумин совещался в своем кабинете с подчиненными.

— Я пригласил вас с тем, — сказал Герасим Петрович, — чтобы задать пренеприятный вопрос: до каких же пор клуб села Старка будет у нас без заведующего?

— Да где ж его взять, заведующего-то? — степенно возразил подчиненный. — Завклубом, чай, не Жучка — из кустов не выскочит. И, небось, из культпросветучилища не пришлют. У них там у самих недоборы, в училищах-то. И то сказать, молодой девушке какой резон в деревню ехать? На оклад девяносто рэ ассигнациями?

— Да, — согласился заведующий. — Да.

Но тут отворилась дверь, и на пороге возник ладно скроенный и, как видно, крепко сшитый молодой человек.

— Ба! — воскликнул работник культуры. — Да вот и он!

— Мне бы, понимаете... — смущенно начал незнакомец.

— Понимаем, все понимаем! — возликовал Герасим Петрович. — Вы ведь на работу пришли устраиваться?

— Да как вам ска...

— И отлично! Только что ж вы, голубчик, в коридоре стоите?

— Да мне бы... — отвечал незнакомец, присаживаясь на краешек стула.

— Вы ведь именно в наш Старкинский сельский клуб?

— Как бы это ска...

— Не спорьте, любезный, — возражал Мумин, радушно улыбаясь, — я по глазам вижу, что вы уж точно завклубом...

— Так ведь...
— А говорят, кадров не хватает! — обернулся он к подчиненному. — А кадры-то, вот они! Только кинь клич — во всех клубах по три, да что я говорю, по десять заведующих будет!

— Да послу...
— И отлично! Сейчас прямо и приказик напечатаем. Вы ведь знакомы с клубной работой? На баяне играть умеете?

— А почему вы при...
— Вижу, что умеете, голубчик вы наш.
— А как у него с докумен... — встрял было подчиненный.
— Какие документы? Что вы! — возразил заведующий. — Я и так вижу, что человек он хороший. Вон и глазки у него какие голубенькие, славные... Людям надо верить! Так?

— Так, — согласился незнакомец.
— Да, чуть не забыл! Сегодня же занимайте казенную квартиру.
— Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму.

— Почему в тюрьму? Вам совхоз «Старка» немедленно предоставляет квартиру и машину для перевозки вещей.

— А, это другое дело! — оживился новоиспеченный завклубом. — Да! Какой странный со мной случай: в дороге совершенно поиздержался. Не можете ли вы мне дать денег взаймы?

— Ах, простите, как это я забыл! Алло! Сельсовет? К вам едет наш новый завклубом... Как ваша фамилия?.. Татьев Андрей Сергеевич? Вы ему срочно, без проволочек выдайте деньги... Чем еще могу быть полезен, Андрей Сергеевич? Ну, тогда давайте прямо в массы!

Ранним утром подозрительный шум разбудил старкинского сторожа. Незнакомый ковырялся в клубном замке отмычкой.

— Стой! — сурово закричал сторож. — Ты кто таков?

При виде сторожа неизвестный молча побегал, но, быстро остановившись, хлопнул себя по лбу:

— Что же это я? Забыл совсем... Да ты знаешь, кто я? Я ваш новый завклубом! И ты ко мне не смей! И если что, то попробуй только! Я тебя знаю! Я уволью! Ты со мной не очень! Меня лично... Сам! Вот я тебя!

Напуганный грозным начальством, сторож спасся бегством.

И развернул новый завклубом громадную культурно-просветительную работу. Первым делом завесил он окна своей совхозной квартиры клубным занавесом. По вечерам поднимался плюшевый занавес, и, сидя у окна за самоваром, веселый от чая и прочих доступных напитков завклубом воспитывал и просвещал:

— С любым начальством на дружеской ноге. Ага. С артистами разными знаком... со Штирлицем... С Никулиным. Бывало, как в буре с ним засядем! А то еще кореш у меня был. Васька Клещ. Тот еще артист был! Да я в грамотах с головы до ног. В камерном... этом... хоре

пел. Гм... и консерваторию закончил. Да я... Да мне... Да я всех тут... живо приструню... если захочу. Я шутить не люблю...

Потом занавес на его окне, шуриша, опускался, и начиналась закулисная жизнь. А поутру, сунув в мешок пару новых мужских костюмов для хора по цене 134 рубля каждый, завклубом отправлялся с ними на базар, где не чинясь продавал всего по червонцу за штуку. Как видим, алчность не была свойственна данному работнику культуры.

Но быстро утекли деньги сквозь нетвердые пальцы клубного аса. И вновь пришлось ему тащить на базар остальные костюмы вкупе с фотоаппаратом «Зенит».

Проводив изумленным взглядом своего нагруженного клубным имуществом заведующего, работники сельсовета кинулись звонить в отдел культуры исполкома.

— Караул! Незаконное дело! Буквально грабят клуб!

— Спокойно! — ответили в отделе культуры. — Мы это дело сейчас укажем.

И на другой день официальным актом клубное имущество на сумму 4155 руб. было передано Татьяне А. С.

Тут уж завклубом оживился! Кончилась неразбериха с ценами. Теперь у него в руках была бумажка, где было твердо обозначено, сколько и чего имеется и сколько стоит. Например, телевизор — 220 руб., головной убор Снегурочки — 3 руб. 62 коп. и т. д.

В общем, жизнь Татьяна в искусстве заметно улучшилась. Ввиду крепко наставшей весны головной убор Снегурочки был признан неактуальным и обменян на бутылку беленькой. На рынок утек и другой театральный реквизит, хранивший былую славу артистов самодеятельности. Короче говоря, всего товару было продано на 758 рублей. Резко кинувшаяся было к очагу культуры совхозная молодежь с опаской отступила. Происходило что-то вроде не то...

А в это время в исполкоме шло заседание. Из-за закрытых дверей доносились пошлостные слова:

— ... как никогда улучшили... обратили особое внимание... приняли необходимые меры... активно способствуем...

Все находилось в чудном деловом настроении. И, конечно же, не велел тов. Г. П. Мумин, допустивший такое отменное ротовейство при подборе кадров, что за его протезе Татьяным уже пришли. И что не на подмостках клубной сцены выступает сейчас новый завклубом, а в КПЗ в роли подсудимого.

Хотя, казалось бы, не попасть в эту уголовную историю было просто. Попросить бы у Татьяны документы. А поскольку должность материально ответственная — навести справки и посущественней. Да прислушаться бы к вышеупомянутому звонку работников сельсовета. Но ничего этого тов. Мумин не сделал, попав под обаяние инкогнито.

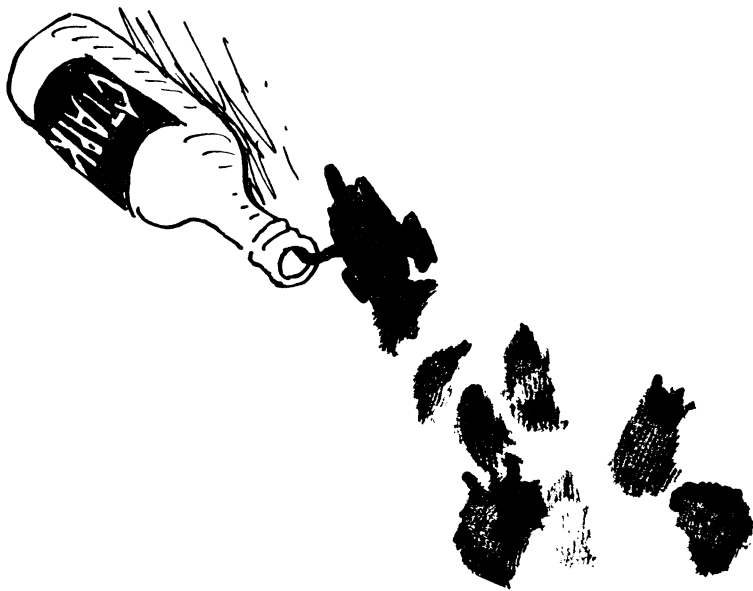
Итак, мирно заседал Герасим Петрович сотоварищи, пока не переполошил всех молодой сотрудник, появившись в дверях.

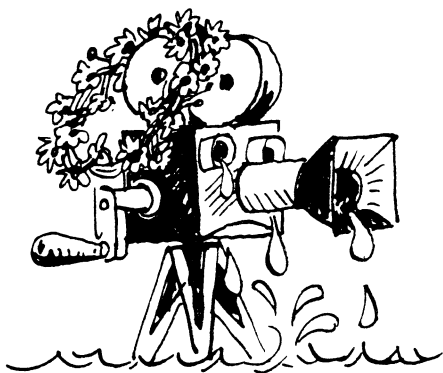
- Должен сообщить вам пренеприятное известие!
- К нам едет ревизор? — спросили все.
- Да какой там ревизор?!
- Тогда что же?

— А то, что наш новый заведующий Старкинским сельским клубом Татьев Андрей Сергеевич, по образованию недоучившийся сантехник, четырежды судимый за кражи личного и государственного имущества, за мошенничество и подделку документов, страдающий хроническим алкоголизмом II стадии с явлениями деградации личности, арестован за кражу клубного имущества и мы все вызываемся свидетелями в суд.

Произнесенные слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно излетает из уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остается в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА.

ДЕБЮССИ СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ

***Сценарий бойкого, разноцветного, улыбчатого,
нарядного, выходного, славного, двухсерийного.***

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Уютные покои фабричного общежития. В дверях консержки, на окнах жардиньерки, на столах бонбоньерки. За столом три героини: Глаша, Маша и Даша.

ДАША (*смазливая, разбитная, расстегивая кофточку, настойчиво*):

— Жить надо лучше... жить надо веселее...

ГЛАША (*честная и правдивая, стыдливо снимая чулок, испуганно*):

— Тю...

Маша, не вмешиваясь в разговор, стирает.

Обычные праздничные, радостные, счастливые фабричные будни. Героини уверенной поступью шагают на смену. Внезапно у проходной их останавливает молодой неприятный хлыщ Серж с наглыми, распутными глазами. Серж из сомнительной семейки (папа профессор, мама архитектор), поэтому держится вызывающе. Происходит знакомство. При этом Глаша выдает себя за английскую королеву, а Даша за чайник. Серж называется сотрудником толстого литературного журнала и зазывает девушек в кино.

— Пошли! — соглашается легкомысленная Даша.

— Тю... — осуждающе качает головой Глаша.

А Маша, не вмешиваясь в разговор, отправляется стирать.

События стремительно развиваются. Выйдя из кинотеатра, Глаша сообщает Сержу, что ждет ребенка. Серж трусливо убегает на редколлегую.

А Глаша, срывая с себя что-то кружевное, рыдает.

Конец первой серии.

СЕРИЯ ВТОРАЯ

Проходит двадцать лет. Вместе с героиней Глашей мы встречаем веселое теплое солнечное утро в ее стандартной заурядной московской квартире. Во всех девяти комнатах скромная мебель «Чиппендейл», бронза, стены незатейливо обиты парчой.

— Тю...— мягко говорит сама себе героиня, надев халат фирмы «Кристиан Диор», и выходит на кухню.

— Маменька проснулись! — радостно вбегает румяная дочь и отличница в джинсах фирмы «Вранглер». — Опять ты на этот уик-энд в свой Буэнос-Айрес поедешь? — капризно спрашивает она. — Хотя бы одно воскресенье дома побыла! В парк культуры бы сходили.

— Тю...— ласково проводит рукой по щеке дочери Глаша и убегает в свою фирму, где она пашет директором.

Она прошла вдоль станков, которые элегантно вращаются по часовой стрелке, снялась для кинохроники — и вот она уже и управилась с делами! Героиня садится в скромный, опрятный кадиллак и едет к подруге Даше.

Даша, смазливая бабенка без ребенка, осталась у разбитого корыта. Она совсем опустилась, живет в двухкомнатной, носит венгерское, ездит в троллейбусе. Даша принимает душ и горько жалуется Глаше на свою жизнь. Слезы текут по ее мокрому лицу, плечам, груди, животу.

— Тю...— сочувственно отвечает ей Глаша и уходит. На улице она по рассеянности садится в переполненный троллейбус.

— Куда прешь с передней площадки, дура?! — весело прижимает ее к кабине водителя небритый гражданин в телогрейке. Даша вздрагивает и счастливо улыбается. Это судьба!

— Меня зовут Вася! — сообщает малый и радостно сплевывает в окно. — К тебе щас пойдем или как?

Потрясенная Глаша не может вымолвить ни слова. Они выходят из троллейбуса вместе. Крупно — Глашино мечтательно-восторженное лицо.

Внезапно рядом тормозит автомобиль. Из него выглядывает Софи Лорен.

— Васенька! — радостно окликает она его.

— А пошла ты к черту! — машет рукой Вася. — Надоела, зараза!

Софи Лорен плача отъезжает.

На другой день, как всегда, стоит хорошая, ласковая советская погода. И Вася, Глаша и дочка-егоза едут на пикник в Мытищи. Заурядный пейзаж мытищинского леса: меж сосен накрыты столы. На белоснежных скатертях нехитрая снедь: бекасы, фазаны, стерлядь, клюква. Пронесаются половые, порхают колибри, гуляют павлины, плавают золотые рыбки. В кустах расположился ансамбль скрипачей Большого театра. Лиловый негр всем подает ситро. За столом в полном составе президиум Академии наук. Все пьют и поют величальную:

— Выпьем же за Васю зелена вина. Без него наука не стоит ни хрена.

— А чем вы занимаетесь на своей работе? — застенчиво спрашивает дочка-егоза.

— Так... лазеры варганим. Лазер — бутылка, — туманно объясняет Вася и сплевывает.

— А у тебя, Глань, надеюсь, образование тоже три класса, как у меня? — подозрительно спрашивает он. — А то мне эти академики-кандидаты, вся эта шушера на работе во как осточертела! Убью тогда, поняла? — И он бережно целует ей руку.

Глаша, глядя на него с ужасом и любовью, восторженно вздыхает:

— Тю...

И покатились дни безоблачного счастья. Вася пропивает свою получку. Глаша же, наоборот, всю свою директорскую зарплату приносит домой. Но вот однажды Вася из дому исчезает. Глаша рыдает, срывая с себя что-то воздушное и плиссированное. Верные подруги Даша и Маша стоят рядом.

— Знаю, где его искать! — хлопает себя по лбу дворник Пантелей и отправляется в консерваторию. Там в седьмом ряду партера он находит Васю, который слушает свои любимые сонаты Дебюсси. По щекам Васи текут слезы.

— Обманула, зараза! — жалуется он. — Сама сказала, что на Курском вокзале буфетчицей работает, а сама ди... ди... ректором... — И он страстно рыдает.

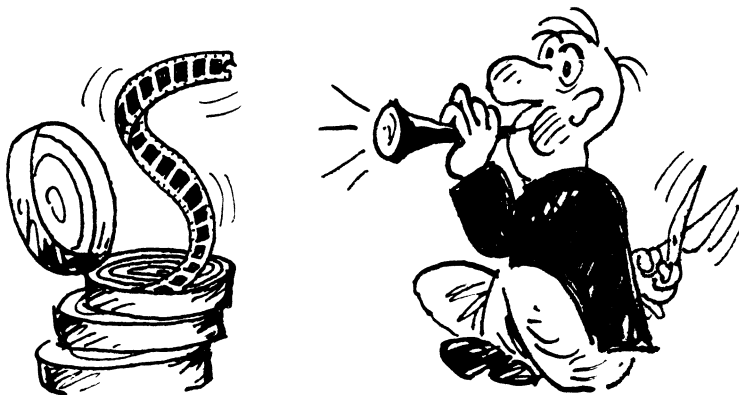
— Дебюсси слезам не верит... — назидательно говорит ему дворник Пантелей.

Тут камера возвращает нас в квартиру Глаши, где дружно рыдают все остальные героини. Крупно: стенает Глаша, воет Маша, всхлипывает Даша и шмыгает носом дочка-егоза. Внезапно раздается звонок в дверь, и дворник Пантелей приносит в рюкзаке Васю. Всеобщее оживление и счастливый смех.

Конец фильма.

ФИЛЬМ — ЗРИТЕЛЮ!

Недавно на наших экранах с большим успехом демонстрировался кинофильм малоизвестного режиссера Дзагорелли Бертольди «Энрико»¹. В центре картины история молодой актрисы, которой судьба сначала мешает попасть на сцену, а потом, наоборот, помогает. Недавно режиссер Дзагорелли побывал в нашей стране, и наш корреспондент с ним встретился. Вот что рассказал сеньор режиссер:

— Я рад, что фильм понравился вашему зрителю. Я лично доволен, что фильм получился зрелищным, ярким, цветным². Вы заметили, в каждой сцене фильма я чередовал цвета: красный — желтый — зеленый. Этим я хотел сказать, что жизнь наша вся в полосочку. Критика восторгалась мелодичным выразительным голосом актрисы Моники Фитти³. Помните, как страстно она восклицает: «О мадонна! Я буду актрисой, хоть ты тресни!» Это, я бы сказал, самая горячая точка картины. Хотелось бы отметить и актера Покетти. Правда, некоторых шокировало, что одну из сцен актер играл обнаженным⁴. Но что мне было делать, если по сценарию актер именно в бане встречается с главным мафиозо? Интересно поработал в нашем фильме и оператор. На мой

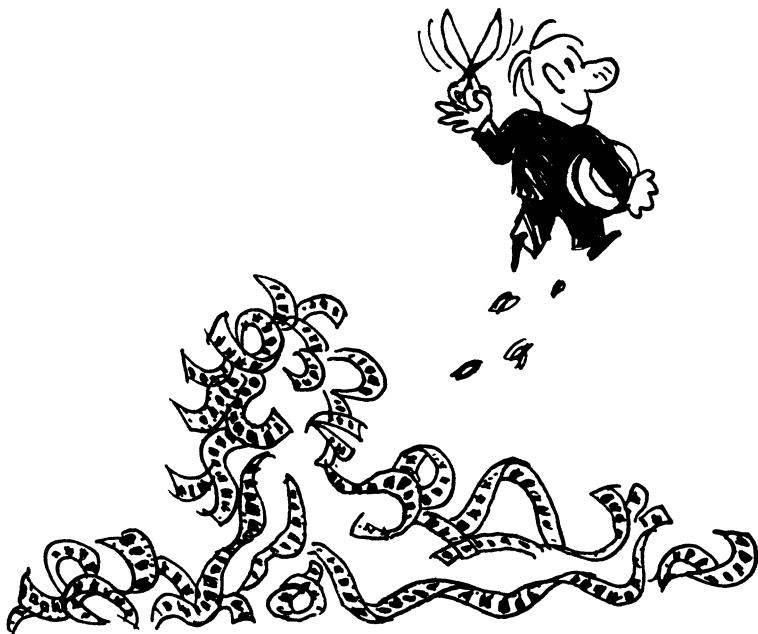
¹ В наших кинотеатрах кинофильм шел под названием «Рудольфо».

² У нас фильм демонстрировался в черно-белом варианте.

³ Роль М. Фитти дублировала артистка Вера Затрапезникова

⁴ В связи с тем, что фильм демонстрировался во время детских каникул, эту сцену, к сожалению, пришлось опустить.

взгляд, виртуозно снят сон героини, там, где она сидит на концерте великого Карузо и певец поет как бы для нее¹. Мои коллеги упрекали меня в том, что фильм длинноват и идет 4 часа². С этими претензиями я категорически не согласен. Для меня именно столько экранного времени понадобилось, чтоб показать всю нелепость и ненужность жизни моих героев. Поэтому, когда в финале героиня ласково говорит своему дружку: «Ах, ты...»³. Я все-таки получила главный приз! — то хочется верить, что теперь-то все будет хорошо. А вообще-то я рад, что вы увидели и восприняли наш фильм таким, каким мы его задумали. Спасибо за внимание.

¹ Эту арию в русском переводе пел Лев Лещенко.

² В нашем прокате фильм идет 1 час 45 минут.

³ В оригинале непереводаемое итальянское слово.

БУРИМЕ ДЛЯ ДРАМАТУРГА

Буриме — это стихотворение, написанное на заранее заданные рифмы. Литературная игра для развития ума. Очень полезная и нужная для писателя вещь. Например, известно, что на 8 Марта редакциям требуются стихи с рифмами: марта — парта, цветы — и ты, мужья — и я. Человек, набивший руку в буриме, в два счета смечет такое стихотворение и пристроит в отдел поэзии. Не так обстоят дела в других жанрах. У драматургов, например, такого буриме нет. Так пусть будет, решили мы. Итак, для желающих стать драматургами предлагается буриме. Заранее заданы действующие лица и порядок действий. На основании этого попробуйте написать очень современную пьесу. Успех пьесы в Министерстве культуры гарантируем.

«ДЕСЯТЫЙ УЧАСТОК» (Драма в четырех картинах)

Картина первая.

Действующие лица:

- А. Кириллов — бригадир-передовик
- Е. Кириллов — его отец, старый кадровый рабочий
- Б. Петров — директор завода
- А. Сидорова — студентка-практикантка
- В. Орлов — главный инженер завода

Картина вторая.

Действующие лица:

- А. Кириллов — начальник цеха, передовик
- Е. Кириллов — его отец, старый кадровый рабочий
- А. Сидорова — его жена.
- Б. Петров — директор завода
- В. Орлов — главный инженер завода

Картина третья.

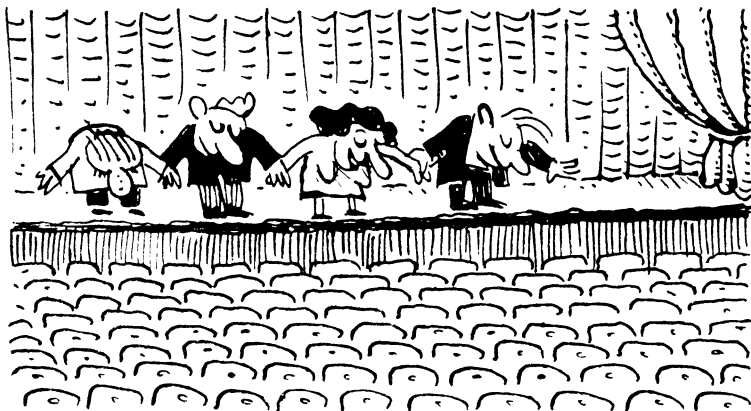
Действующие лица:

- А. Кириллов — чернорабочий
- А. Сидорова — его бывшая жена
- Б. Петров — директор завода
- Н. Евдокимов — секретарь парткома
- З. Курдюмова — прокурор района

Картина четвертая.

Действующие лица:

- А. Кириллов — директор завода, передовик
- З. Курдюмова — его жена
- Е. Кириллов — его отец, старый кадровый рабочий
- Б. Петров — бывший директор завода, главный инженер
- В. Орлов — бывший главный инженер, начальник цеха

СОДЕРЖАНИЕ

Очередь	3
Вперед	4
На балконе	5
В центре ГУМа, у фонтана	7
Судьба	8
Чучело	10
Русалочка	14
Москва — Вашингтон	17
Сто слов	19
Пойте хором!	21
Этот кошмарный случай	23
Словесный портрет	25
Темное дело	27
Смешной мотылек	29
Розовый фельетон	31
Закулисный ревизор	34
Дебюсси слезам не верит	38
Фильм — зрителю!	42
Буриме для драматурга	44

ВОЗЛИНСКАЯ Светлана Яковлевна
В ЦЕНТРЕ ГУМа, У ФОНТАНА...

Редактор А. Ю. Моралевич
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 18.05.89. Подписано к печати 18.07.89.
А 00324. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт 2,45. Уч.-изд. л. 2,74. Тираж 75000 экз.
Заказ № 707. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

БИОГРАФИЯ

С. ВОЗЛИНСКАЯ родилась под знаком Водолея, и это повлияло на ее характер.

Как известно, Водолей принципиален, и поэтому С. Возлинская принципиально работает только в жанре сатиры и юмора. Начала она с того, что окончила факультет журналистики МГУ, но вместо очерков о рекордных надоях стала писать телевизионные развлекательные программы «Утренняя почта», «Голубой огонек», «Будильник» и другие. Водолей любит перемены, поэтому С. Возлинская еще и участвует в радиопередачах «С добрым утром!», «Вы нам писали...» и т.д.

Как истинного Водолея ее интересует все. Поэтому она пишет пьесы, мультсценарии, рассказы и рецензии. Кое-что из этого она публикует в «Литературной газете», «Неделе», «Московском комсомольце», «Авроре», «Студенческом меридиане», «Огоньке».

Противоречивая натура Водолея в один прекрасный день заставляет ее вдруг начать писать для журнала «Крокодил».

Водолей без предрассудков. Поэтому однажды С. Возлинской вдруг показалось, что своим появлением на сцене она осчастливит зрителя. Она начинает много выступать в качестве автора-исполнителя собственных монологов.

Водолей любит эксперименты, и сейчас С. Возлинская издает свою первую книжку.